

ВСЛЕД
ЗА МЕЧТОЙ

| Романы

| А. Мироновой

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
АЛЕКСАНДРЫ МИРОНОВОЙ

День, когда пропала Вероника

На исходе февраля

Дважды в одну реку

По имени Ветер

Под сенью омелы

Разрубить гордиев узел

Я оставляю свет включенным

Алёнушка

Подарки госпожи Метелицы

Жемчужный дебют

Виринея, ты вернулась?

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

ВИРИНЕЯ,
ТЫ ВЕРНУЛАСЬ?

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Миронова, Александра Васильевна.

М64 Вириная, ты вернулась? : роман / Александра Миронова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-221796-8

Вере завидовали — красавец-муж, богатый дом, благополучная с виду семья. Но никто не знал, какие проблемы скрываются за красивым фасадом. И однажды женщина, прихватив с собой дочь, сбежала от проигравшего ее в карты мужа, чтобы вернуться в те места, где прошла ее юность, взглянуть в глаза своему прошлому и встретиться со старой, но не отгоревшей за все эти годы, любовью.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронова А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221796-8

A thinking woman sleeps with monsters.

Snapshots of a Daughter-In-Law

*Adrienne Rich*¹

Глава 1

Глеб отвалился от Веры как сытый клоп. Она открыла глаза и тихонько выдохнула — самое ужасное позади. И тут же обругала себя: муж старается как может, никто не обещал, что супружеский долг будет равен удовольствию. За семнадцать лет она его так и не почувствовала — фригидное полено. Как ей все-таки повезло с мужем! Тогда, на вокзале, она не ошиблась: с первого взгляда поняла, что это ее человек. Не обидит ни словом, ни делом.

Глеб привстал с широкой низкой кровати, взял стоящую на полу бутылку чилийского красного вина. Разлил по бокалам, один протянул жене.

— За тебя! — отсалютовал он и поцеловал жену.

Вера взяла тонкий бокал из его рук и выпила залпом.

— Тебе было хорошо? — тепло спросил Глеб, откинув темные вьющиеся волосы с раскрасневшегося лица.

Вера отвела глаза и схватила шелковый халат, валявшийся на полу.

— Да, очень, — пробормотала она. — Я в душ, скоро Оля придет — нужно ужин приготовить.

Вера шмыгнула в душевую, прилегающую к спальне, и плотно закрыла за собой дверь, чтобы Глебу не пришлось в голову присоединиться.

В последние три года Глеб переживал кризис среднего возраста. Вера читала, что такое часто происходит с мужчинами около сорока. В погоне за уходящей молодостью

¹ «Думающая женщина спит с монстрами». Адриен Рич, поэма «Снимки невестки». — *Прим. ред.*

он увлекся спортом: бегал каждый день по несколько часов, ходил в спортзал и плавал, а также воспылал страстью к экспериментам в постели. Они перепробовали все, что предлагала современная секс-индустрия. Глеб был уперт и целенаправлен — если вдруг Вере что-то откровенно не нравилось, он повторял это снова и снова, пока она не начинала стонать от удовольствия. Фальши в ее столах он предпочитал не замечать. Вскоре Вера поняла, что чем быстрее она изобразит радость от происходящего, тем быстрее Глеб переключится на что-то другое. И она снова будет надеяться, что в следующий раз все будет не так плохо. В моменты отчаяния она даже начинала понимать женщин, смотрящих сквозь пальцы на походы благоверного налево: пусть кто-то другой испытывает по десять оргазмов за ночь. Ей, Вере, хочется выпить чаю, а не красного вина, взять хорошую книгу и спокойно почитать в кровати до полуночи. Но это было невозможно. Ведь из прочитанных ею книг и журналов Вера знала, что, не получив желаемое дома, муж пойдет искать его на стороне. А у нее образцовая семья. Та, в которой все живут долго, относительно счастливо и умрут в один день. Она ни за что не повторит судьбу мамы и бабушки.

В тридцать Вера просто призналась себе — она фригидна. И ничего с этим не поделаешь. Уйти от Глеба было не вариантом: во-первых, слишком многое на нем завязано, а во-вторых, кому нужно бревно в постели? Глеб, по крайней мере, ее терпит. И она будет терпеть. Обоюдное терпение — вот залог стабильного брака.

Глеб встал с кровати, подошел к встроенному в стену шкафу-купе, распахнул его, взял свежее белье, джинсы и футболку. Подумав, вытащил еще и толстовку: на улице было прохладно. Быстро оделся, в душ решил не ходить: помоемся после. Он открыл дверцу полочки, где во вращающихся футлярах хранились его часы. Выбрал скромный «Бреге».

Зная, что Вера застряла в душе надолго, он спустился вниз как раз вовремя, чтобы открыть дверь Оле. Три раза в неделю дочь занималась с репетитором биологией. Точ-

нее, репетиторством это сложно было назвать: Оля знала больше учителей. Скорее это были дополнительные занятия по интересовавшему ее предмету. И хотя Глеб предпочел бы, чтобы дочь занялась танцами или спортом, с Верой, настоящей на этих занятиях, он по пустякам не спорил. Биология так биология.

— Как прошло занятие? — Глеб чмокнул дочь в щеку. Та держала в руках какой-то талмуд.

— Отлично, пап, смотри, что Элеонора Яковлевна дала почитать. — Оля с гордостью продемонстрировала отцу книгу.

— Ричард Докинз, «Эгоистичный ген», — прочитал вслух Глеб. Пожалуй, не помешало бы и ему прочитать пару умных книг, а то дочь скоро обгонит его в плане интеллекта.

— Интересно? — кисло поинтересовался он.

— Не знаю, еще не читала, но, если хочешь, вначале могу дать прочесть тебе. — Оля сняла пальто, повесив его на вешалку возле входа. Затем последовала очередь легких сапожек. Хрупкая фигурка в цветастом платье, рыжие волосы собраны в хвост.

— А где мама?

— Сейчас спустится. Ладно, доченька, ужинайте без меня. — Он чмокнул дочь в лоб и направился к двери. — А я пойду побегаю.

Энергия, которую он так и не выпустил с Верой, рвалась наружу. И лучше было не сопротивляться этому.

Едва за Глебом захлопнулась дверь, Вера спустилась со второго этажа и тепло улыбнулась дочери, присевшей в кресло возле входа и сразу погружившейся в чтение книги:

— Привет, котенок, ты проголодалась?

— Нет, — покачала та головой, не отрываясь от книги.

Вера подошла к дочери, присела на ручку кресла, поглубже запахла халат, поправила светлые волосы и посмотрела на книгу:

— Докинз? Уже? Расскажешь, что думаешь.

— Читала? — Оля подняла голову.

— Конечно, — кивнула Вера и чмокнула дочь в макушку, вдыхая запах волос. Волосы дочки всегда пахли травами: Вера собственноручно варила отвары, которыми та мыла голову.

— А где папа?

— Ушел бегать, просил ужинать без него.

Вера встала с кресла и направилась к белой барной стойке, отделявшей кухню от гостиной с прихожей, по пути с облегчением выдыхая. Пусть бегают. У нее три часа свободного времени — заварит чай и полежит на диване с книгой. Или продолжить собирать пазл с Олей? Они как раз недавно начали картину пшеничного поля, состоящую из тысячи деталей. Обе любили медитативные действия, в отличие от Глеба, начинавшего сходить с ума уже на пятой минуте сбора.

Она поставила чайник. Не поднимая глаз от книги, Оля попросила:

— Мам, сделай мне тоже чай, пожалуйста.

— Конечно, милая.

Вера погасила верхний свет, оставив лишь кухонную подсветку и лампу, под которой читала свернувшаяся клубочком Оля. Идеально. Тихое, уютное пространство, принадлежащее только им двоим. Большого и желать было нельзя. Она взяла чашку с чаем, подошла к дивану и поставила ее на низкий столик, где уже лежала «Фиеста» Хемингуэя. Одна из самых любимых книг, которую она перечитывала много раз. Взяв книгу в руки и прочитав одну страницу, Вера сама не заметила, как крепко уснула.

Глава 2

Оля закончила завтрак первой — овсяная каша с медом и чашка липового отвара. Вера еще доедала свою порцию, а Глеб цедил кофе: после вчерашней интенсивной тренировки болела голова.

— Спасибо, мама. — Оля чмокнула Веру в щеку, встала со стула, стоявшего перед барной стойкой, и понесла посуду в посудомойку.

— Спасибо, дорогая. — Глеб залпом опрокинул чашку кофе. Подумал, не сделать ли еще одну, но затем решил, что подождет до офиса. Тоже чмокнул жену в щеку:

— Ну что, я поеду, а ты пешком, как всегда? Первый клиент в десять.

— Она будет плакать, — вдруг заявила Оля. Девочка вымыла руки и взяла со стойки полотенце.

Глеб и Вера одновременно посмотрели на дочь.

— Кто? — похолодела Вера.

— Ну эта ваша клиентка. Будет плакать. — Оля аккуратно сложила полотенце и положила его на стойку.

— С чего ты взяла, доченька? — вкрадчиво спросил Глеб.

Вера помертвела. *Нет, только не это. Не может быть.*

— Какие планы на сегодня? — Она быстро попыталась сменить тему, сделав вид, будто ничего не произошло.

— Да никаких особо. Сейчас пойду в школу, а вечером снова к Элеоноре Яковлевне, — пожала плечами Оля, выходя из-за барной стойки.

— Так что там про клиентку? — резко вмешался Глеб. Он встал со стула, взял пиджак, висевший на спинке, небрежно, с особым шиком, набросил его на плечи.

— Не знаю, подумалось, — отмахнулась дочь.

Она схватила школьный рюкзак, стоящий возле барной стойки, и направилась к выходу. Остановившись перед вешалкой, надела тонкое пальто, которое папа привез прошлой осенью из Франции, сапоги.

— Всем пока. — Оля уже повернула ключ в замке, когда отец остановил ее.

— Давай подвезу, — слишком резко предложил Глеб, и Вере это очень не понравилось.

— Не надо, мы пройдемся пешком. Езжай в офис, а то опоздаешь, — остановила его Вера.

Как была — в джинсах и цветастой рубашке, — она быстро направилась ко входу, натянула кеды и, отсалютовав мужу, быстренько выпихнула дочь за двери.

Несколько мгновений Глеб задумчиво смотрел им вслед. Это обязательно нужно обдумать, но позже — он кинул взгляд на часы. Вера права, так он опоздает.

Глава 3

Сидящую перед ним женщину Глеб оценил с первого взгляда: в общении с такой главное — побольше умных слов. Невысокая блондинка, одета дорого, но безвкусно. Вызывающе роскошные и неуместные в рабочий полдень перстни на распухших пальцах с хищно-розовым маникюром, профессиональная укладка и младенчески гладкий розовый лоб. Женщина смотрела на мир глазами неожиданно состарившегося, но так и не повзрослевшего ребенка.

Она беззаветно доверяла Глебу. И пускай в светло-сером костюме с голубоватым отливом, с длинными кудрявыми волосами, собранными в хвост, и повадками осторожного сурка он не был похож на астролога в традиционном понимании этого слова, весь город знал: Глеб Подольский всегда оказывается прав. Клиентке так срочно нужна была его консультация, что она дала взятку секретарше, чтобы попасть к нему на прием вне очереди. (На самом деле Глеб всегда оставлял полтора часа в день для таких нетерпеливых энтузиастов, согласных платить за встречу с ним в три раза больше стандартного тарифа. Секретарша Катенька была в доле и получала десять процентов от каждой «взятки»).

Легко пробежав ухоженными пальцами по клавишам ультратонкого ноутбука, Глеб погрузился в изучение астрологической карты.

— Ну что? — дрожащим голосом поинтересовалась клиентка. Кажется, ее звали Марина.

— На этой неделе транзитный Уран будет в оппозиции с Плутоном. В бизнесе ожидаются перемены...

— А личная жизнь? — нетерпеливо перебила Марина и, бросив украдкой взгляд в большое зеркало, висевшее за спиной Глеба, быстро поправила светлые волосы.

Все ясно, муженек изменяет.

— Подождите, — Глеб властно поставил клиентку на место. Он здесь хозяин, все должны это понимать. — На здоровье обратите внимание. Возможно, вас ожидает болезнь.

— Какая еще болезнь? — заволновалась Марина.

— Повышена подверженность негативным энергетическим воздействиям. Если планируете УЗИ, то отложите.

— Да нет, ничего такого. — Женщина завозилась на стуле, всем видом выражая нетерпение. Но Глеб не собирался идти у нее на поводу.

— Вероятна полная смена окружения в результате конфликтов, — припечатал он клиентку. Та подскочила на стуле.

— В каком смысле? Скажите, это связано с личной жизнью? Мужа моего посмотрите!

Глеб бросил беглый взгляд на роскошные часы — «Вашерон Константин», — которые он привез себе из Женевы на прошлой неделе. Бордово-винный ремень из мягчайшей кожи, золотое оформление, летящая стрелка и прозрачный циферблат, демонстрирующий миру скрупулезную работу швейцарских часовщиков. Вершина его коллекции.

— Извините, мне необходимо на минуту отлучиться. После этого продолжим. — Глеб легко отодвинул кожаное кресло и поднялся.

— И вы скажете о личной жизни? — Марина смотрела на астролога как на Мессию.

— Ну конечно, скажу. — Взгляд Глеба смягчился, он доверительно наклонился к клиентке и промурлыкал: — Чай, кофе?

— Нет, ничего, — взвизгнула Марина.

Кажется, она уже дошла до нужной кондиции.

Перед тем как выйти, Глеб посмотрел в зеркало и едва удержался, чтобы не подмигнуть собственному отражению. Он вышел из кабинета. Ступая мягко, почти по-кошачьи, легко скользнул в соседнюю дверь.

Крошечная комната, скрывавшаяся за ней, была похожа на подсобку. Ничего общего с современным кабинетом Глеба, обставленным белой глянцевой мебелью. Здесь все было по-другому. Старый фанерный стол, на нем — шербатая чашка, из которой струился легкий дымок, и блюдо с домашним абрикосовым вареньем. Вера сидела на неудобном стуле, закинув ноги на стол, и казалась целиком погруженной в чтение старой потрепанной книги (их она, похоже, покупала там же, где и шербатые чашки). В одной руке она держала сочное темно-бордовое яблоко, от которого только что откусила большой кусок.

Она морщила лоб, полностью захваченная происходящим на потрепанных страницах, и теребила локон, выбившийся из легкомысленного хвостика. Глеб на секунду остановился — за семнадцать лет Вера ни капли не изменилась: те же повадки школьницы, извечные джинсы и кеды. Ни намек на женственность. Она была не похожа на других. Но ему это даже нравилось. Заводило.

Он подошел к жене и, положив руки на плечи, легонько помассировал.

— Давай купим тебе нормальное кресло: больно смотреть, — ласково промурлыкал он, наклоняясь и целуя Веру в шею.

Подняв глаза, он посмотрел на Марину: обманное зеркало в его кабинете давало полный обзор происходящего. Вот она от нетерпения закусывает хищный ноготь, затем обмахивается рукой: ей жарко. Под подмышками нелепо дорогого пиджака начинают расплываться пятна пота. Нервничает. Это хорошо. Значит, еще не раз вернется. Глеб станет для нее царем и Богом. Она жить не сможет без предсказаний.

Вера снова откусила смачный кусок хрусткого яблока и, не поднимая глаз, ровным тоном сообщила:

— Через полтора часа она застучает мужа с любовницей в собственной постели и выставит его из дома.

Глеб опустил глаза на тонкую шею жены и снова поцеловал, затем закусил мочку ее уха и прошептал:

— Ты лучшая. Я кое-что купил сегодня на вечер.

Вера дернулась, словно от удара током, и тут же замерла, пытаясь сгладить неловкую ситуацию.

— Я отлучусь, — проинформировала она Глеба.

Тот выпрямился и направился к двери, легко пожал плечами:

— Без проблем, у меня все равно перерыв будет. По магазинам?

— Вроде того, — кивнула Вера, переворачивая страницу.

Когда за Глебом закрылась дверь, Вера положила книгу на стол и взяла чашку с обжигающим чаем. Сделала глоток. Поставила на место и зачерпнула янтарное варенье из банки — прозрачное, с легким горьковатым привкусом миндаля (она всегда варила абрикосовое варенье с косточками), — облизала ложку и положила на блюдце.

Несколько секунд обзревала Глеба, вернувшегося к женщине и готовящегося сломать ей жизнь. Все-таки хорошо, что общение с клиентами он взял на себя. Вера ни за что не смогла бы так мурлыкать и обхаживать нервных теток и мужиков. Она вообще плохо умела общаться с людьми.

Решив не становиться свидетелем очередной человеческой драмы, которые по несколько раз в день разворачивались у них в офисе, Вера, потянувшись, легко вскочила со стула и направилась к двери. До встречи оставалось не так много времени, надо было еще заглянуть к Кате.

Глава 4

Яркий луч мартовского солнца мешал сосредоточиться всем, кроме Оли. Она настолько погрузилась в чтение «Эгоистичного гена» Ричарда Докинза, что не заметила звонок на перемену и то, что в классе, против обыкновения, осталось несколько учеников.

Солнце облило золотом густые рыжие кудри девочки, выделило яркие веснушки на бледном лице. Опустив глаза, она тихонько шевелила губами, словно повторение

каждого драгоценного слова новой книги помогало лучше запомнить содержание. Конечно, про пчел, совершающих самоубийство, она знала давно. Но про то, что птицы рискуют жизнью, чтобы предупредить стаю о приближении ястреба, она еще не слышала.

Перевернув страницу, не заметила, как сзади приблизился Тимур. Как обычно, в мятой футболке, джинсах, болтающихся на коленях, и кепке, которую не снимал ни зимой, ни летом. Тимур был полной противоположностью Оле, и, возможно, поэтому его так раздражала эта серая мышь, лишенная эмоций. За восемь лет, что они провели в одном классе, Тимур ни разу не удалось спровоцировать Олю. Когда остальные ученики кричали, визжали, смеялись и плакали от его выходок, Оля просто смотрела сквозь него, как будто он, Тимур, был не живым человеком, а просто декорацией.

Иногда Тимур думал, что он ее ненавидит. Никто из одноклассниц не вызывал в нем таких эмоций, как Оля Подольская. Когда она молча смотрела на него в упор прозрачными глазами, на дне которых смешался болотный мох и палая листва, хотелось схватить ее за рыжие космы и ударить лицом об парту. До крови, до хруста. Чтобы она растеряла чертово спокойствие и равнодушие. За восемь лет Тимур прекрасно изучил одноклассницу. И, как ему казалось, все-таки нашел способ вывернуть ее наизнанку.

Вчера он купил огромного тарантула. Три месяца собирал нужную сумму, и вот вечером в городском парке молодой парень, ровесник Тимура, передал ему мерзкую тварь (кстати, стоило разузнать, где берет: он бы и сам побарыжил за такие деньги). Парень предупредил, что голыми руками тарантулов брать нельзя. Поэтому Тимур как следует подготовился: стащил у матери садовые рукавицы, которые та собралась везти на дачу в эти выходные. Под них на всякий случай натянул еще и латексные перчатки: мало ли что. И хотя сам Тимур ни за что бы не признался, что до жути боится мохнатой твари, сегодня он пережил немало неприятных моментов, пока засунул банку с пауком в школьную сумку. На каждой перемене проверял,

не испарился ли тот, и вот сейчас, когда Тимур держал в руках стеклянную тару, ему казалось, что паршивец может отравить его даже сквозь стекло или скинуть крышку и броситься на него. Наверное, все-таки это была не самая лучшая идея, но пути назад не было.

Одноклассники следили за Тимуром, затаив дыхание. Даже debil Васька закрыл рот руками, чтобы никак себя не выдать. Ленка с Василисой замерли и вытянулись за партами, чтобы как можно лучше все рассмотреть. А Рустик и Серега следовали за Тимуром по пятам. Рустик включил запись видео в телефоне: потом выложат в интернет. Интересно, как она визжит? Какой у нее голос, когда волнуется?

Оля перевернула страницу. Мир растворился. Почему ей никогда не приходили в голову мысли о гене эгоистичности, это же так очевидно. Все ее многолетние наблюдения за животными сложились в разноцветный пазл из тысячи кусочков. Оля поморщилась: солнце пригревало, и хотелось чихать. Она глубоко вдохнула и подняла глаза к потолку, чтобы отложить подступивший спазм. Тимур замер. Сейчас эта малахольная дура все увидит.

Но Оля, справившись с позывом, вновь опустила глаза и, перевернув страницу, погрузилась в чтение. Тимур выдохнул. Осторожно открыл банку и, затаив дыхание и стараясь не содрогаться от мерзости, взял в руки паука. Оля завозилась на стуле, тонкое цветастое платье немного сбилось в сторону и явило миру тощие коленки, никого из присутствовавших подростков не заинтересовавшие. Ленка и Василиса обзавелись вполне женственными формами еще пару лет тому назад, за ними уже приезжали пацаны на собственных тачках. А тощая Оля в вечных платьях ниже колен на их фоне казалась детсадовским переростком. Сделав еще два шага и кивнув Рустiku, чтобы тот врубал камеру, Тимур приблизился к Оле и, быстро протянув руку, кинул паука на страницы книги.

Все произошло в одно мгновение. Оля молниеносно вскочила, опрокинув стул. Книга свалилась на пол вместе с пауком.

— Он ядовитый! — заорал Тимур. Оля молча подняла взгляд. Она дрожала мелкой дрожью, глаза позеленели, на побледневшем лице ярко проступили веснушки.

Лена и Василиса кинулись к двери, визжа как потерпевшие. Васька с ногами вскочил на парту. Рустик с Сережкой последовали его примеру. Спокойствие хранила только Оля. Оторвав взгляд от Тимура, посмотрела на перевернувшуюся книгу. Присела и подняла. Паук был под книгой, не двигался. Оля смотрела на него в упор. Затем осторожно взяла в руки.

— Что ты делаешь? Ты умрешь! — завопил Тимур срывающимся голосом, в душе проклиная себя за глупость. Почему не подумал, что будет делать с мерзкой тварью, после того как напугает Олю?

— Это ты умрешь, — слова Оли прозвучали в полной тишине. Она выпрямилась, держа паука в руках.

— Ты че, дура? — Первым не выдержал Серега.

Оля сделала шаг по направлению к Тимур, тот отступил. Внезапно ему стало страшно. На лице Оли не осталось ни кровинки, и он впервые увидел, как та красива. Солнечные лучи подсвечивали ее, окутывая тонкую фигурку в золотистый шифон. Легкое платье обрисовало силуэт, волосы сияли красным золотом. Все это пронеслось в голове Тимура за одну секунду до того, как он сделал еще один шаг назад.

— Не подходи, — предупредил он. — Даже не думай кидать его, — кивнул он на паука.

Оля покачала головой:

— Это ни к чему. Тебя и так собьет машина через час. — Она протянула руку, и Тимур, внезапно растерявший кураж и лишившийся разом сил, покорно отдал ей банку с крышкой.

Оля осторожно посадила туда паука и закрыла крышку. Легонько подула сквозь вентиляционные отверстия. Паук слабо зашевелился.

— Верни назад. — Она протянула банку Тимур, но тот отшатнулся. Оля поставила банку на парту рядом с ним.

Под всеобщее молчание она, подняв книгу, вышла из кабинета. По гомонящему коридору, прижимая свое сокровище к груди, дошла до лестницы и начала быстро подниматься в свое убежище — старую подсобку на четвертом этаже, которой никто не пользовался за ненадобностью, служившую ей пристанищем от вечных издевательств одноклассников.

Оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что возле подсобки никого нет, Оля изо всех сил потянула дверь на себя и резко нажала на ручку. Таким образом открывался нехитрый замок. Раздался знакомый щелчок, и в нос ударил запах хлорки, старой дерюги и пыли. Не удержавшись, Оля чихнула, быстро зашла в подсобку, включив тусклый свет и аккуратно прикрыв за собой дверь. На негнущихся ногах дошла до пластикового синего стула, стоявшего посредине крохотного помещения, и, рухнув на него, разрыдалась.

Олю била дрожь. Она слышала, как прозвенел звонок, но знала, что в класс не вернется ни за что на свете. Боготворившая и преклонявшаяся перед любимыми проявлениями природы, Оля страдала арахнофобией. В ужас ее приводили даже безобидные тонконогие паучки, которые попадали к ним в дом вместе с весной. Оля убегала в другие комнаты и отказывалась возвращаться, пока кто-нибудь не избавлялся от насекомого, следуя ее строгим наставлениям ни в коем случае не убивать.

Тимур же, засунув банку в рюкзак, решил уйти из школы. Произошедшее его разозлило. В результате он сам себя выставил дураком, испугался паука, как будто тот крокодил какой. Он твердо решил вернуть мерзость владельцу. Пусть даже деньги не возвращает — просто заберет. Ведь сам Тимур понятия не имел, что делать с пауками, как содержать, да и вряд ли мать обрадуется.

Набрал номер давешнего парня и договорился встретиться в парке через полчаса. Как раз прогуляет английский, все равно тот ему не нужен: через два месяца Тимур

уходит из школы учиться на автомеханика. Но до ухода подумает, как еще можно это чучело позлить.

Змея? А вдруг тоже возьмет голыми руками? Это ж кем надо быть, чтобы вот так паука хватать да еще и дуть на него?! Тимура передернуло от воспоминаний. Он ускорил шаг. Перешел дорогу и направился к парку. До встречи оставалось еще пятнадцать минут — решил перекурить. Купив пачку сигарет, Тимур уселся на лавку, на всякий случай отодвинув сумку с банкой подальше, прикурил, сделал затяжку и зажмурился. Погрузился в размышления о том, что надо посмотреть видео Рустика, перед тем как он его в Сеть загрузит. Хотя что там загружать? Как он орет, а Оля голыми руками ядовитую тварь хватает?

Погруженный в собственные размышления и разморенный здорово пригревшим мартовским солнцем, Тимур не заметил, как пролетело время. Пришел в себя от шлепка по плечу. Вчерашний парень.

— Наигрался? — мрачно спросил тот, падая на лавочку, бесцеремонно доставая сигарету из пачки Тимура и стаскивая с белобрюсой головы капюшон толстовки.

— Та не. Хотел другу подарить, а ему не понравился, — соврал Тимур. Не говорить же правду, в самом деле.

— Ага, — парень криво улыбнулся. — Бабло не верну.

— Может, половину? — несмело предложил Тимур.

— Не, ни половину, ничего, прости, чувак. Купил — твои проблемы, что не смог никуда деть. Скажи спасибо, что за возврат денег не прошу.

— Спасибо, — скривился Тимур и достал из сумки банку. Паук не оправился от произошедшего. Сидел, скукожившись, и не подавал признаков жизни. Как вообще можно любить таких тварей? Тимур быстро сунул банку парню.

Тот деловито достал из кармана сверток, развернул — оказалось, долговечная сумка, из тех, что продают в супермаркетах в тщетной попытке спасти заплеванную экологию.

— Надо беречь природу, нашу мать, — пояснил парень Тимуру.

Сунул не глядя банку в сумку, затянулся и, не потушив, отбросил сигарету за лавочку.

— Ну, бывай. — Снова хлопнув Тимура по плечу, парень натянул капюшон и направился к проезжей части по газону. Тимур достал мобильный — три пропущенных: Серега разыскивал. Набрал номер. Судя по воплям из трубки, опять перемена.

— Че хотел? — громко поинтересовался Тимур, пытаюсь переорать шум.

— Ты идешь? — заорал в ответ Серега.

— А надо? — Тимуру было лень возвращаться в школу. Хотя, если уж честно, он облажался с этим пауком, поэтому смотреть в глаза прихвостней не хотелось.

— Тут Васька обоссался. Сидит на толчке, не хочет выходить — ждет, пока штаны высохнут, — заржал Серега.

Тимур выдохнул с облегчением. Значит, его страха никто не заметил. А пропустить Ваську в мокрых штанах не хотелось.

— Сейчас буду, — заверил он. Дал отбой, поколебавшись, кинул сигарету в мусорник и направился к проезжей части. Покрутив головой по сторонам, решил перебежать. Тимур был на середине дороги, когда услышал злобный оклик:

— Эй, пацан, ты что с ним сделал? Он не шевелится! — Продавец мерзких тварей приблизился к проезжей части и выразительно тряс долговечной сумкой, красноречиво намекая на сидящего там паука.

Тимур сделал шаг назад, чтобы вернуться к парню и соврать, когда тот, сбросив капюшон, заорал изо всех сил:

— Осторожней!

Грузовик, вынырнувший из-за угла, не смог так быстро затормозить. Последнее, что увидел в своей жизни Тимур, было неестественно бледное лицо парня с вытаращенными глазами и долговечная сумка с дурацким пауком.

Глава 5

У секретарши Кати как в государственном архиве: бумажка к бумажке, все в безукоризненном порядке. Катини права лежали в сейфе на полочке, заботливо уложены в конверт.

Вера достала их из конверта и бросила взгляд на дату выдачи — пять лет тому назад. С прав на нее смотрела серьезная женщина. Сжатые губы, взгляд, уставившийся в невидимую точку в пространстве. Ничего общего с веселой молодой блондинкой, всегда готовой рассмеяться над предложенной шуткой.

— Зачем вам мои права?— не удержавшись, поинтересовалась Катя.

— Не мне, а тебе. Прокатишься по городу, — не отрывая взгляда от прав, ответила Вера.

— Вам надо куда-то поехать? Давайте я вызову такси. У нас сегодня еще три клиента, — попыталась быстро отказаться она. Интересно, почему жена шефа не водит машину? Вроде такая деловая, прогрессивная, а все время пешком. Или — о ужас! — на электричках.

— Тебе надо будет кое-куда поехать. — Вера сделала ударение на слове «тебе». — Объясню, это близко.

Положив права на стол, Вера вышла из комнаты. Катя вздохнула. С женой шефа было что-то не то. Вроде бы и приятная, и не грубит, но общаться невозможно. Не то что милашка Глеб Николаевич: и новую прическу отметит, и деньгами не обидит. И что только в этой Вере нашел? И ведь муж какой — не придерешься! Ни на какие короткие юбки и декольте не реагирует — она проверяла. Катя снова вздохнула, поднялась из-за стола, грациозно подплыла к кофемашине, зарядила капсулу, поставила чашку на специальную подставку и снова предалась размышлениям.

Ей грех было жаловаться. Место хлебное, работа не пыльная, а уж сколько интересных мужиков через нее проходит — числа нет! Недаром Глеб лучший в городе — тут очередь толпилась из разных деятелей: от местных политиков и бизнесменов до звезд, которые из столицы